

Торговцев, продающих еду, здесь было не так уж много. Неподдалёку стоял ларек с лапшой. Именно у него Шэнь Хуэй и одолжил глиняную чашку. Хозяином ларька оказался высокий, худощавый молодой мужчина. Увидев на соседнем прилавке тесто, он сперва болезненно дёрнулся, решил, что появился конкурент.

Когда Шэнь Хуэй подошёл, лицо у него вытянулось ещё сильнее. Покупателей и так было немного, а если рядом встанет кто-то с тем же товаром, его заработок неизбежно пострадает. Но незнакомец был слишком рослым и крепким. Продавец лапши, взрослый мужчина, ростом едва доставал ему до груди. Под одеждой у незнакомца угадывались мощные мышцы. К тому же надзиратель за торговыми местами явно был с ним на короткой ноге - они перекидывались шутками. Такого человека лучше не злить.

Поэтому, когда Шэнь Хуэй попросил одолжить чашку, хозяин лапшичной лавки изо всех сил сдержал выражение лица, натянул улыбку, больше похожую на гримасу, и протянул чистую, без единой трещины глиняную чашку. Позже он украдкой ещё несколько раз поглядывал в сторону их прилавка и, убедившись, что там продают вовсе не лапшу, а что-то другое, заметно повеселел.

Чтобы пропарить баоцзы тоже нужно время, а Лин Син лепил их прямо на месте. Круглые, пухлые, они аккуратно укладывались в пароварку, и каждая складочка на тесте была выведена безупречно. Такую еду здесь прежде не видели, поэтому немало прохожих останавливались посмотреть.

В маленьком городке каждый день одно и то же, никаких новостей. А тут вдруг появилось нечто необычное, как не обратить внимание?

Однако из-за внушительного роста и сурового вида Шэнь Хуэя люди не решались подходить слишком близко и тем более задавать вопросы. Кто знает, вдруг скажешь что-то не то и схлопочешь удар? Вот уж точно беда на пустом месте.

Когда все баоцзы были поставлены на пар, Лин Син взял глиняную чашку и выпил воду до дна. Вытерев губы, он заметил, что кто-то стоит и пристально смотрит на прилавок, явно колеблясь, не зная, решиться ли заговорить.

Он поставил чашку, приподнял уголки губ и с живой, приветливой улыбкой заговорил:

- Подходите, поглядите! У нас тут большие баоцзы - тонкое тесто и щедрая начинка, а ещё большие маньтоу размером с кулак. Всё из хорошей муки, мягкое и пышное, без обмана - и старому, и малому по вкусу!

Баоцзы? Маньтоу? Что это вообще такое? Никто и не слышал, разве это можно есть?

Насколько необычная еда пробуждает любопытство, настолько же она заставляет насторожиться. Без доброго имени и чужих отзывов мало кто решится выбросить деньги,

становясь первым покупателем. Продавец, конечно, будет расхваливать свой товар, да кто же в это поверит? Послушав краем уха, люди понемногу утратили интерес и разошлись по своим делам, не задерживаясь больше у прилавка.

Баоцзы и маньтоу ещё не были готовы, так что даже при желании Лин Син не мог предложить пробу. К тому же рассвело окончательно - те, кто выходил поутру перекусить, уже были последними. Если повезёт, он ещё успеет зацепить самый хвост утренней торговли.

Если пересчитать по современному времени, сегодня он вышел в четыре утра, шёл больше двух часов и добрался к шести. Баоцзы и маньтоу будут готовы примерно к семи. По меркам современности - самое время для завтрака. Но для древних людей, которые ложатся спать уже в семь вечера, в семь утра солнце давно «печёт в зад», и даже богатые бездельники к этому часу успевают встать и какое-то время поесть и поразвлечься.

Лин Син посмотрел на людей, которые после его слов почти все разошлись, потеряв интерес, и беспомощно вздохнул. Эх, завтра надо выходить ещё на час раньше. В три часа ночи. Если ложиться в семь вечера, как раз получится выспаться восемь часов.

Но это он не мог решить в одиночку, поэтому повернулся к Шэнь Хуэю и спросил:

— Второй брат, не будет ли тебе тяжело завтра прийти со мной пораньше?

У Шэнь Хуэя возражений не было. Раньше, когда он ходил в горы на охоту, ему случалось и вовсе не спать ночами.

— Хорошо.

Услышав, что Шэнь Хуэй согласился без колебаний, Лин Син почувствовал искреннюю благодарность. Он улыбнулся и от души сказал:

— Второй брат, ты правда очень хороший.

Шэнь Хуэй посмотрел на его лицо, затем вдруг отвёл взгляд, будто объясняясь:

— Перед уходом старший брат наедине попросил меня присмотреть за тобой.

Лин Син подумал о том, как Шэнь Хуан позаботился о нём до самого конца, и в груди стало и тепло, и щемяще больно. Старший брат Шэнь... ты и правда невероятно, невероятно, невероятно хороший человек! Если будет следующая жизнь, пусть у тебя будет крепкое здоровье и такая же хорошая семья, как нынешняя семья Шэнь.

Лин Син втайне помолился, а когда пришёл в себя, заметил, что Шэнь Хуэй ушёл. Когда тот

вернулся, в руках у него был маленький табурет.

Шэнь Хуэй поставил табурет рядом с пароварками:

— У тебя стёрты щиколотки, тебе нельзя долго стоять. Присядь, отдохни.

Штаны Лин Сина, заштопанные уже невесть сколько раз, совсем не прикрывали щиколотки. Ему даже не нужно было приподнимать штанину - стоило лишь опустить взгляд, и сразу было видно, в каком состоянии его пятки.

Но Лин Син не стал смотреть. Он не выносил вида ран, сердце тут же болезненно сжималось. Не важно, на ком была рана: стоит увидеть разорванную кожу и обнажённую плоть, и его начинало мутить, появлялась дрожь. Он и сам не знал, что это за особенность, но с самого детства было именно так. Поэтому всю дорогу Лин Син старательно игнорировал раны на своих пятках. Он чувствовал: пятки стёрты соломенными сандалиями до живого мяса, а после такой долгой дороги раны, должно быть, совсем серьёзные.

Теперь, когда суета улеглась и тело перестало разогреваться движением, холод навалился особенно сильно. Оголённые щиколотки Лин Сина замёрзли почти до онемения; стоять было действительно тяжело, и он, не упрямясь, послушался Шэнь Хуэя и сел. Табурет оказался поставлен очень удачно: от печи шло достаточно тепла, чтобы согреть тело, но при этом жар не бил прямо в лицо и не обжигал.

Посидев немного, Лин Син почувствовал, как тепло постепенно возвращается.

Прохожие один за другим бросали любопытные взгляды на непривычные пароварки, разглядывали их, но почти все в итоге отходили в сторону - сказывался внешний вид Шэнь Хуэя. Для законопослушных простых людей такие внушительные, грозные фигуры вызывали подсознательный страх, от них старались держаться подальше.

Лин Син заметил это, но ничего не сказал. Когда пришло время менять местами пароварки, он поднялся, но Шэнь Хуэй опередил его и первым положил руки на пароварку. Лин Син удивлённо посмотрел на него и услышал:

— Тяжело. Я сам.

Лин Син вспомнил прошлый раз, когда он пробовал готовить с пароваркой: тогда он клал мало баоцзы, и поднять её было легко. А сейчас пароварки были заполнены доверху, да и сами они были из цельного дерева и весили немало. С его нынешним телосложением и силой он и правда бы не справился. Он не стал упрямяться, послушно сел обратно и наблюдал, как Шэнь Хуэй управляет с делом. Похоже, в прошлый раз Шэнь Хуэй просто смотрел и всё запомнил: он без всяких подсказок ловко переставил пароварки в нужном порядке.

Когда баоцзы были готовы, солнце уже поднялось над горизонтом. Лин Син поднялся, прочистил горло, уголки губ приподнялись, и он начал зазывать покупателей.

— Подходите! Посмотрите, не проходите мимо! Только что из печи баоцзы с тофу! Большие, мягкие, ароматные так, что зубы сводит! Новый лоток, открытие! Можно попробовать: невкусно - не платите, невкусно - не покупайте!

Голос у него был звонкий и радостный, слушать было приятно. И сами слова зазывания звучали непривычно. По крайней мере, куда цепляли слух сильнее, чем привычные: «Господин, не желаете взглянуть?», «Красавица, купите украшение», «Продаю постную лапшу, чашка - пять вэнь».

Особенно фраза «можно попробовать, невкусно - не платите». Ха, вот уж диковинка! Впервые слышно, чтобы еду сначала давали попробовать, а уж потом решали, покупать или нет.

Слово «бесплатно» обладало огромной притягательной силой. Для местных жителей это было искушение, перед которым трудно устоять. Пусть с неба и не падают пироги, но раз торговец прокричал это вслух, при всех, и столько народу слышало, даже если что, в управе у них будет основание пожаловаться.

Лу Хуа изначально шла к лотку с румянами - хотела купить немного косметики для третьей дочери, которую собирались выдавать замуж. В магазинах такие вещи простым людям были не по карману - хоть зубы сгрызи, всё равно не купишь. А вот у уличных торговцев, пусть и похуже качеством, но если стиснуть зубы, всё-таки можно позволить себе покупку.

Но по дороге она услышала приятный голос. Ай да голос, звонкий, радостный, с таким напевом, что на душе сразу становилось светлее. Прислушалась: продают какую-то еду, о которой она прежде не слышала. Новинка, конечно, любопытно, но мало ли чего не бывает - послушать да забыть, и всё.

А вот когда прозвучало «бесплатная проба», Лу Хуа вдруг почувствовала, что ноги сами её несут. Она и опомниться не успела, как уже стояла перед тем самым лотком. Торговец был одет бедно, в поношенную одежду, вся в заплатах, но зато чистую. Лицо жёлтое от худобы, истощённое, однако глаза яркие, живые, словно говорящие. На лице открытая улыбка, брови мягко изогнуты, и из-за этого сразу переставали бросаться в глаза его чрезмерно впалые щёки.

— Здравствуйте, тётушка. У меня на лотке, кроме баоцзы с тофу, есть ещё и маньтоу. Хотите попробовать и то и другое или что-то одно?

И маньтоу, и баоцзы были уже нарезаны - каждый вид лежал на отдельном листе промасленной бумаги. Резали их кинжалом, который Шэнь Хуэй носил при себе. Перед этим Лин Син несколько раз опустил его в котёл и прокипятит. Поначалу Шэнь Хуэй не понимал, зачем вообще варить нож, но Лин Син объяснил, что так он становится чище. Лин Син хотел как можно быстрее заработать репутацию, а значит, нужно было чем-то пожертвовать, чтобы привлечь покупателей. Домашний нож был единственным, брать его с собой он не мог, а рвать

еду руками слишком неопратно. В итоге он и положил глаз на кинжал Шэнь Хуэя.

Когда стало ясно, что кинжалом будут резать еду и он должен быть чистым, Шэнь Хуэй и сам несколько раз его прокипятил. Сегодня утром ещё раз.

Лу Хуа, услышав голос, опустила взгляд на промасленную бумагу, разложенную на столе. На ней лежали белёсые кусочки теста. В некоторых из них была начинка из тофу - от них всё ещё поднимался пар, а аромат пшеницы бил прямо в нос. И на цвет, и на запах без сомнений сделано из хорошей муки. Похоже, туда ещё и дорогую тонко помолотую белую муку подмешали, иначе такой белизны не добиться. В её семье водились деньги, и время от времени они могли позволить себе хорошую муку. Такая еда питательная, вкусная. В последний раз она ела её дней пять назад, а теперь, учуяв запах, снова почувствовала желание. А уж здешняя выпечка выглядела и вовсе лучше, чем обычная еда из одной только хорошей муки.

Лу Хуа не отрывала глаз от бумаги и ещё раз уточнила:

— Так это правда бесплатно? Просто так даёте попробовать?

Лин Син кивнул:

— Да.

— Тогда попробую и то и другое, — негромко кашлянув, сказала Лу Хуа и протянула руку.

И баоцзы, и маньтоу были нарезаны на ровные небольшие кусочки. Возьмёшь побольше, и вся ладонь будет занята. А вокруг уже собралось немало народу: всех привлекла зазывная речь хозяина лотка, и, видно, многие тоже ждали своей очереди попробовать. Ещё секунду назад Лу Хуа тянулась смело и решительно, но вдруг остановилась и замялась. В конце концов, из-за того, что вокруг было столько людей, ей стало неловко брать слишком много, не хотелось выглядеть жадной. Она аккуратно взяла по два кусочка каждого и положила их себе на ладонь.

Увидев, что кто-то взял и продавец не стал останавливать, многие вокруг тоже зашевелились, явно собираясь протянуть руки следом.

Но как раз в этот момент первая попробовавшая вдруг громко вскрикнула:

— Ох ты ж!

Все разом замерли и повернулись к Лу Хуа. Та жевала кусочек баоцзы с тофу, глаза у неё были широко распахнуты, а на лице читалось неподдельное изумление и восторг. Она указала на оставшийся в руке, ещё не надкусанный кусочек баоцзы с тофу и прямо спросила у Лин Сина:

— Это вот баоцзы с тофу, да? Почему он такой ароматный, такой мягкий? Как ты его делаешь?

Её вскрик все приняли за знак, что с едой что-то не так, а оказалось наоборот, слишком вкусно. От этого окружающим стало ещё любопытнее: насколько же он ароматный и мягкий?

Лин Син улыбнулся и ответил:

— Всё делается по моему собственному рецепту. Мука только хорошая, без всякой примеси, потому и вкус такой. Даже тофу для начинки я покупаю у той семьи в деревне, что делает его лучше всех. Если тётушка считает, что вкусно, и понравилось, можно купить целый - всего три вэня за большой баоцзы.

Три вэня - цена немалая. Хорошая мука стоит двадцать вэнь за цзинь: за деньги, на которые берут шесть-семь таких пирожков, можно купить целый цзинь муки. Лу Хуа прикидывала цену в уме, и ей казалось, что это дорого. Но тут же она подумала: раз пирожок такой вкусный, в тесто наверняка добавляли дорогую белую муку... и тогда цена вроде бы уже выглядела вполне оправданной...

Лин Син заметил её колебания и, протянув руку, приподнял крышку пароварки.

Увидев, какого размера целый баоцзы в пароварке, Лу Хуа изумлённо ахнула:

— Ого! Такой здоровый? Ну ты даёшь... щедрость-то какая. Сколько же муки на один такой уходит?

Лу Хуа всегда говорила прямо, она и впрямь была поражена. Кто сам ведёт хозяйство и готовит, тот хорошо знает цену муке и её расход. Даже на такую большую лепёшку с начинкой ушло бы немало теста. А ведь баоцзы по сути то же самое: тесто с начинкой внутри.

Но тесто у баоцзы было мягким до невозможности, есть его - одно удовольствие. Из-за того, что тесто было на закваске, оно сильно поднималось и становилось пышным, так что с виду действительно казалось, будто муки ушло очень много.

Лин Син, торгуя на рынке, разумеется, не собирался по-простецки говорить, что муки ушло немного. Надо, чтобы у покупателя возникло чувство выгоды, тогда и купят. К тому же он и правда не завышал цену: поставь дороже - никто не возьмёт. Оставалось только брать оборотом.

— Ну как, тётушка, понравилось? Возьмёте один с собой? — спросил Лин Син.

Пока Лу Хуа не увидела, какого размера баоцзы, она и не думала покупать. Но теперь уже не считала это дорогим и, не раздумывая, закивала:

— Давай один.

Говоря это, она засунула в рот кусочек маньтоу. И тут же ахнула:

— Вот это да! И это тоже такое ароматное!

Она в жизни не ела такого вкусного теста - мягкое, нежное, жуёшь-жуёшь, и вдруг появляется лёгкая сладость.

— А почём у тебя эти пампушки? — Лу Хуа уставилась на пароварку. — Дай-ка гляну, какие они по размеру.

Лин Син завернул в промасленную бумагу один баоцзы, затем приподнял крышку яруса с маньтоу, чтобы Лу Хуа могла как следует рассмотреть их величину.

Увидев размер, Лу Хуа сразу загорелась. Сколько же на такую большую пампушку нужно муки! Да она больше мужского кулака! И ведь не пустая - плотная, сытная!

— Маньтоу по четыре вэня за штуку, два - за семь, — сказал Лин Син.

Услышав «четыре», Лу Хуа уже было открыла рот, чтобы заказать один, но тут же услышала про «два за семь». Она на мгновение замялась, словно не сразу поняла, потом громко воскликнула:

— Тогда давай две!

Разом ушло десять вэнь, но Лу Хуа ни капли не пожалела. Хорошая мука сама по себе дорогая, а кто знает сколько таких больших баоцзы и маньтоу выйдет с одного цзиня муки. Да и главное - у неё ведь нет никакого секретного рецепта, чтобы сделать настолько вкусно.

Лин Син улыбался во всё лицо и завернул ещё два маньтоу.

Первый покупатель, первые деньги - он был счастлив!

<http://bllate.org/book/13938/1266761>